

**ЖАННА
ЛЕБЕДЕВА**

**ЛЮБАВА
ВОКС**

**АКАДЕМИЯ
ВОЛШЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Любава Вокс
Жанна Лебедева
Академия волшебной
ЛИНГВИСТИКИ**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70185355

SelfPub; 2023

Аннотация

Говорят, никогда не поздно начать жизнь сначала. Вот и пенсионерка Эмма Петровна Чижикова после сердечного приступа попала не в больницу, а в другой мир. В этом мире водятся драконы и маги, а волшебство является самой обычной частью спокойной повседневной жизни. Вот только пожить этой самой спокойной жизнью ей не дадут. Ведь теперь она студентка магической академии Эмма Лир. Загадочная, богатая, немного стервозная и... мертвая?

Содержание

ГЛАВА 1. О, дивный новый мир!	4
ГЛАВА 2. Тайная жизнь Эммы Лир	31
ГЛАВА 3. Жених не приходит неожиданным	52
ГЛАВА 4. Волшебный сад	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Любава Вокс, Жанна Лебедева Академия волшебной лингвистики

ГЛАВА 1. О, дивный новый мир!

– Попаданка?

– Ух, ты! Попаданка! Настоящая!

– Попаданка у нас в академии?

– Во дает!

Я открыла глаза и поняла, что лежу на кафельном полу в туалете. Надо мной полукругом склонился десяток разномастных девичьих голов. Два десятка любопытных глаз цветом от темно-карего до светло-голубого внимательно изучали мое лицо.

– Она живая... Ах... Ну, теперь точно, значит, попала...

– Маленькая румяная блондинка с кукольными кудряшками зажала ладонью рот.

– Тс-с-с! Тише, Розы, – шикнула на нее высокая строгая брюнетка с орлиным носом. – Никто не должен узнать про попаданку, понятно? – Она опустилась рядом со мной и по-

могла сесть. – Ты как?

– Никак, – честно ответила я, хватаясь за виски. – Где я? И... – оглядела собственные руки, ноги, заглянула в висящее напротив огромное зеркало, – кто я?

Еще минуту назад я была обычной женщиной семидесяти лет – Эммой Петровной Чижиковой. Пенсионеркой. И все у меня было хорошо: маленькая уютная квартирка, подработка репетиторшей по литературе у старших школьников, пенсия, годные очки, рукоделие, старенькая дача в Рябиновке летом, прогулки по городскому парку зимой, по утрам крепкий чай, а по вечерам любимые книги и сериалы под чашечку какао с молоком. Диссертация по литературоведению, которую я никак не могла дописать. И даже новенький ноутбук, купленный на сэкономленные деньги, который почему-то не помогал в трудах, а служил больше для развлечений... А еще было общение с дочерьми и внучками по выходным. По субботам с Асей – она с семьей живет в Канаде, растит двух прекрасных малышей Лилечку и Маришку. По воскресеньям с Тосей – она ученая, работает на северной биостанции. Вчера фотографию с тюленями мне прислала... Четверть часа назад я собралась в магазин за продуктами. Голова странно кружилась, и к щекам подступил неприятный жар, но я решила, что это ничего, пустяк.

Оказалось, не пустяк.

На выходе из лифта я поняла, что падаю и...

Голова раскалывалась.

– Я умерла? – спросила, решив поскорее выяснить неприятную правду.

– Ты находишься в теле Эммы Лир, – сообщили мне туманно новые знакомые.

– А что с настоящей Эммой Лир? – задала я резонный вопрос.

Девушки со вздохом переглянулись.

– Настоящая Эмма Лир умерла минут пятнадцать назад. Поскользнулась на мокром полу и ударилась головой об раковину, – зататорила блондинка с кудряшками. – Она лежала тут совсем-совсем мертвая, а потом пришли мы, и Эмбер сказала: «О, боги, да она же мертвая!», а потом появилась ты...

– Бедная настоящая Эмма Лир. Выходит, не одна я в сложившейся ситуации пострадала... – вырвалось у меня непроизвольно. – А вы ее подруги, да?

– Враги, – хмуро буркнула брюнетка. – Она нас всех ненавидела и все время делала нам гадости. Меня даже один раз отравить хотела. Но это не имеет сейчас никого значения, все эти старые дразги. Самое ужасное уже случилось... К огромному сожалению, настоящей Эмме теперь ничем не помочь. – Брюнетка смахнула слезу. – Несчастный случай... Но мы оплачем ее потом. Сейчас не время, раз уж ты здесь оказалась.

– Я не по своей воле это сделала, поверьте, – принялась я оправдываться.

– Верим, конечно, – улыбнулась брюнетка и шикнула на всех: – Тс-с-с-с...

Она вдруг сжалась вся. Остальные девушки тоже притихли. Кто-то, громко топая, прошел за закрытой дверью туалета.

– А от кого мы прячемся? – поинтересовалась я, когда шаги стихли.

– От всех остальных. И главным образом от нашего ректора, господина Злоквуста. Он ненавидит попаданок. Если узнает о тебе – пиши пропало.

– И что же он со мной сделает? – со страхом уточнила я.

– Аннигилирует. Расщепит на атомы. Сотрет в пыль... – неуверенно произнес кто-то из девушек.

– Нет, – отрезала брюнетка. – Он просто без разговоров и разбирательств вышвырнет тебя обратно в твой мир. И ты улетишь туда, откуда прилетела.

– Разве это плохо? – не сразу сообразив, в чем подвох, уточнила я. – Я вернусь домой, в свое тело, разве нет?

– Подумай головой, – нахмурилась брюнетка. – Ты ведь не просто так здесь. Скорее всего, в той, другой реальности твое настоящее тело тоже мертво.

– Да-да, – закивали остальные девушки. – С попаданками так обычно и бывает!

– Мертво... – эхом повторила я и похолодела. – Значит, там, в лифте, я...

– Просто прими это. – Брюнетка потрянула меня за плечи. –

Не ты первая, не ты последняя. Так что держись, не раскисай. А мы уж тебя одну в беде не оставим.

– Спасибо. Ох... – Я, скривившись, потеряла затылок. – Как же больно.

– Больно – это хорошо, – донесся до меня чей-то замогильный голос.

Из-за спин столпившихся девушек выступила мрачная, готического вида девушка с мутным взором.

– Чего же в ее боли хорошего, Кори?

– Это хорошая боль, Ортанс, – ровным тоном заявила пугающая дева (обратилась она к деловитой брюнетке). – Она ведь ничего толком не знает о нашем мире. Выдаст себя на раз, как только Зловуст взглянет на нее. А вот разбитая голова ее может спасти.

– Как? – хором воскликнули остальные и дружно зажали себе ладонями рты, так как вышло громковато.

– Память! – Мрачная Кори многозначительно подняла вверх указательный палец. – Она скажет, что потеряла память.

– Думаешь, получится? – усомнилась Ортанс. Она помогла мне встать и подвела вплотную к зеркалу. – А, с другой стороны, что нам остается? Только рискнуть. Как, новая Эмма, справишься?

– Не уверена, но попробую, – пожала плечами я. – Как же все сложно. И почему, интересно, этот ваш ректор так попаданок не любит?

– Потому что одна из них ему отказала в грубой форме. Она попала в академию в начале его карьеры, когда он был только молодым и перспективным, уже тогда в ректоры метил. Злоквуст влюбился в нее без памяти, но она предпочла ему другого. Обычное дело, знаешь ли...

Я знала. Про ректоров и попаданок я миллион раз читала в книгах.

– Всегда думала, что истории про ректоров и попаданок – просто выдумки, а оно вон как бывает, оказывается... – изумилась я. – И чего в этих ректорах все находят? Я там, у себя, некоторое время в вузе работала, и ректор у нас был старый, вредный...

Я осеклась на полуслове. Старый... Я и сама вроде как старушка, а ректора моего, ужасно противного и подлого, давно уже нет на этой... на той земле.

– Мне тоже непонятно, – кивнула Кори и добавила: – Ты мне уже нравишься, новая Эмма. Вот что я скажу, девы, – обратилась она к подругам. – Эту новую Эмму Лир мы просто обязаны сохранить для потомков.

– И сохраним, – поддержала ее Ортанс. – Поможем, спрячем и обучим. – Она сунула руку за пазуху, вынула оттуда цепочку с висящим на ней крошечным пузырьком и сообщила со вздохом. – Вот. От сердца отрываю. Бесценное скороучебное зелье. Себе для экзаменов берегла, но ради такого дела... Возьми. Потеря памяти – это, конечно, аргумент, но забыть абсолютно все о мире, в котором живешь – перебор.

– И как мне это поможет? – не поняла я, с сомнением глядя на флакон.

Дома я принимала разные лекарства и всегда старалась если не подробно проконсультироваться на их счет с врачами, то хотя бы тщательно инструкцию изучить...

– Очень просто. Капаешь на книгу и вдыхаешь пар знаний, который из нее поднимется после такой манипуляции. Это легко. Только дорого.

– Дорого...

– Дорого! – зашушукались остальные девчонки и с уважением посмотрели на Ортанс.

А та сунула мне в руки пузырек и зажала мои подрагивающие от волнения пальцы.

До меня ведь только сейчас дошел весь ужас ситуации. Я мертва... Там... В своем мире. Через пару дней меня закопают на старом кладбище в Никольском. Ася, может, и успеет прилететь на похороны, а Тося... Ей с северов так быстро не добраться. Они расстроятся. Будут плакать...

Я мертва, и мне очень жаль.

В висках сильно запульсировало, стало нечем дышать. Я уже не чувствовала ног и летела в пустоту, в темную бездну забвения. Если говорить без лишней образности и поэтичности – я грянулась в банальный обморок.

Так и началась моя жизнь в новом мире, о котором я знала... ровно ничего, ну, кроме того что я теперь некая всеми нелюбимая Эмма Лир, учащаяся какой-то академии, поте-

рванная память (а заодно и жизнь), стукнувшись об раковину головой...

Спустя минуту сквозь пелену до меня донесся взволнованный голос.

– Новая Эмма! Нечего разлеживаться, времени у нас на это нет совсем.

Я пришла в себя. Ничего не изменилось. Мы все еще находились в том же туалете.

– А теперь слушай внимательно. Сейчас Эмбер потихому сходит в библиотеку и принесет тебе несколько энциклопедий. Вдохнешь их и будешь хотя бы примерное представление иметь об окружающей действительности.

– Ортанс! – Румяная блондинка, которую звали Роза, взволнованно коснулась плеча подруги. – Ты же знаешь, много сразу вдыхать нельзя.

– Знаю, – поджала губы Ортанс, – но придется рисковать. Мы не должны допустить, чтобы и эту попаданку... – Она запнулась.

– А что, у вас до меня кто-то был? – уточнила я.

– Была, – хмуро ответила мрачная Кори. – И закончила прескверно. Сбежала от нас в лес, утверждая, что первой выйдет замуж за альфу оборотней, так как она его истинная пара. А у нас и оборотней-то отродясь не водилось. В общем, больше мы ту бедолагу не видели. Говорят, она нашлась потом в соседней стране. Чуть в тюрьму там не угодила. Вот к чему незнание о мире приводит. И спешка.

– Понятно, – согласилась я, приходя в ужас от мысли, как я вообще буду тут жить, да еще и в чужом теле.

Ну, допустим, карту мира я сейчас выучу. Одним глазком загляну в историю. Может быть, даже сходу разберусь в политическом строе и ситуации, но... что я буду делать, попав в «свою» семью? У меня ведь есть здесь семья? У Эммы Лир, вернее? О ее отношениях с родными вряд ли писались книги. Я даже не знаю их имен, не говоря уж о том, как мама и папа (если опять же они есть) мою предшественницу называют? Эммочка. Дочурка. Плюшка... Меня вот бабушка всегда Плюшкой звала...

Бабушка...

Я сама уже давно бабушка! Лилечка и Маришка, я вам на Новый год хотела связать новые свитерки. Лилечке с лабрадором, а Маришке с лисичкой...

От мысли, что я больше никогда не увижу свой мир и свою семью, в носу защипало, и предательски задергалась челюсть.

Мертва...

Как же это произошло? Да просто! Чувствовала себя плохо с самого утра, но упорно на это рукой махала. Надо было скорую вызвать, а я в магазин зачем-то потащилась. Вот у меня и случился сердечный приступ или что-то подобное.

Вот оно, значит, как было и чем кончилось.

Слезы сами брызнули из глаз. Я закрыла лицо руками, села на пол и зарыдала.

Девочки тревожно зашушукались. Я не разобрала их слов, но по тону поняла, что они меня жалеют. Потом теплая рука опустилась мне на плечо, и мягкий голос Розы прозвучал над ухом.

– Бе-е-едная. Как же жалко мне вас, таких. Искренне жалко.

А строгий и уверенный голос Органс добавил:

– Крепись, попаданка. Не ты первая – не ты последняя. Всем поначалу тяжело, но такова теперь твоя судьба. Судьба.

Я оглушительно шмыгнула носом. Стыдно распускать нюни – взрослая уже... бабушка. Всякие трудности в жизни переживала, переживу и эту.

– Сейчас-сейчас, отойдите-ка. Я ее быстренько на ноги поставлю, – сказал кто-то уверенно.

Рядом со мной оказалась Кори. Краем опухшего глаза я заметила черный рукав и ладонь, с зажатой железной фляжечкой... Она коснулась моих губ, и глотку опалило что-то огненно-сладкое. Ароматное. Алкогольное.

– Ф-р-р-р... – Я подавилась этим вкусным огнем. – Что это?

– Ликер эльфийский. Живительный. Из самого Эльфендолла родственники родственников родственникам привезли. Контрабандой. Еще глоточек?

– Нет, спасибо...

Я поднялась и, хватая воздух обожженным ртом, поковы-

ляла к раковине. Оперевшись на нее, включила воду и умыла лицо. Вот так. В серебристое колечко слива потекла смытая с глаз черная тушь вперемешку с соплями.

– Так. Надо собраться. Собраться...

– Давай-давай. Привыкай к новой необыкновенной жизни. – В зеркале рядом с жутким лицом Эммы Лир появились бледная физиономия Кори и строгое орлиное личико Ортанс.

Вернулась Эмбер, тихая девушка с волосами цвета янтаря. Взмолнованно сверкнув зелеными глазами, сунула мне в руки тяжелую стопку книг.

– Вот.

– Отлично! – Ортанс схватила верхнюю и принялась листать, периодически выдувая скопившуюся между страничками пыль. Потом, внимательно посмотрев на меня, задумчиво протянула. – Эмма Лир была сильной и выносливой девушкой. Попробуем сразу три вдохнуть.

– Ты что, Ортанс! Три – это много, – схватилась за сердце Роза. – Она не выдержит.

– Нужно выдержать, – строго отрезала Ортанс и раскрыла передо мной первую книгу. – Первый том Мировой энциклопедии. Карта мира, океаны, материки. Давай.

Крошечный флакончик с шипением открылся. Из горлышка потянулся нежный розоватый пар. Аромат его отдавал имбирем. Девушки застыли в преддверии будущего таинства. И вот яркая капля сорвалась, упала на желтые стра-

ницы тома. В тот же миг по ноздрям ударил резкий запах – будто я вдохнула нашатырь.

– Ай!

Глаза слезились, я зажмурилась и замотала головой. В голове все кипело. Перед мысленным взором мельтешили сотни картинок и названий. Они сортировались сами собой и стремительно раскладывались по полочкам.

И мир вокруг прояснялся. Будто вырисовывался из небытия. Я увидела океаны и материки, леса, пустыни, горы и долины. Узнала их названия. Запомнила, и теперь мне казалось, что я знала это всегда.

Наконец все закончилось.

– Потрясающе, – пораженно выдохнула я, ощущая сильную усталость. словно марафон только что пробежала.

– А то! – Ортанс важно потрясла пузырьком. – Завод по производству и разливу магических зелий «Демон и братья» ерунды не выпускает. Только качественный продукт. Так, не отвлекаемся. Вдыхай второй том.

Я послушно закрыла глаза.

Все повторилось снова, за тем лишь исключением, что книга была другая – политгеография. Теперь я знала основное о местных государствах и народах. Люди, драконы, эльфы, орки, гномы... Целый калейдоскоп невероятных существ, о которых в своем изначальном мире я могла прочитать разве что в своем любимом фэнтези.

Вот уж, как говорится – попала так попала!

– И третий том. История.

– Погоди, – остановила подругу Роза. – Это последняя книга, следует подойти к выбору ответственно.

– Новая Эмма должна иметь представления об истории страны, в которой она оказалась.

– Эй, староста, не называй ее так, – упрекнула подругу блондинка (а я узнала, что Ортанс, оказывается, староста. Интересно чего? Класса? Группы?) – Вдруг привыкнешь и назовешь ее так при тех, кому тайну нашу общую знать не положено?

– И вообще назовешь, – хмуро добавила Кори. – Мы ведь с вами, девочки, с Эммой Лир обычно не разговаривали. Даже не здоровались.

– Это она с нами не здоровалась, – протестующее пискнула крошечная адептка с пучком на макушке.

– Это уже неважно, Лиз.

– Еще как важно, – не унималась малышка. – Если мы все сейчас вдруг резко подружимся с Эммой Лир – это вызовет подозрения. Господин Злоквуст нас в два счета раскусит.

– Чего же ты предлагаешь?

– Вот. – Лиз порылась в висящей на боку сумке. – Разговорная книжка.

– Ого! – присвистнула Кори. – Новая? Пустая? Откуда у тебя?

– Отец подарил. Не знал, что мне мама с отчимом уже фирменную от «Волшебного яблока» купили. Это «огры-

зок» – подделка под «яблоко». Может глючить, но на первое время сойдет. Держи.

Мне в руки переключалась толстенная книжка формата А4. На обложке из тисненой кожи был выгравирован яблочный откус с выглядывающим из него веселым червяком. С любопытством перевернула странички, я обнаружила, что все они пустые, за исключением ажурной рамочки в самом вер-ху. Сзади, в специальном кармашке, обнаружился золоченый карандаш, прикованный к книге блестящей цепочкой.

– Что это?

– Это нужно, чтобы общаться на расстоянии. Вот так берешь... – Лиз вытащила из кармашка карандаш, открыла первую страничку, написала в рамочке свое имя, а потом припечатала его пальцем. Отпечаток засветился и исчез. – И пишешь что-нибудь адресату. Адресат сейчас я, если что.

Она написала: «Привет» и снова полезла в свою сум-ку. Вынув оттуда еще одну книжку, открыла ее на пустой странице, вывела аккуратным почерком в рамочке «Эмма Лир» (буквы сразу засветились) и, сжав мою руку, заста-вила отпечататься пальцем. – Та-а-ак. Теперь ты тоже у меня в списке контактов. Теперь смотри! Сейчас мы увидим твое сообщение. Оно уже проявляется... В-о-о-от.

На бумаге под именем высветилось: «Провод».

– Провод? – удивилась я, а Кори громко фыркнула:

– Ох уж эти «огрызки». Твоему папаше, Лиз, не стоило так экономить на подарке.

– Такой уж у него характер, – смущенно пожала плечами Лиз. – И вообще, мама говорит, что развелась с отцом из-за его скупости и склонности к азартным играм.

– Странное сочетание. – Кори задумчиво почесала голову. – Обычно люди либо скупы, либо азартны. Ума не приложу, как это можно сочетать?

– Не знаю, – отмахнулась Лиз. Ей хотелось скорее перевести тему. – Давай еще раз попробуем. Теперь я отправлю.

В своей позолоченной, явно дорогушей книжке она еще раз написала: «Привет». У меня высветилось: «Буфет».

– Ну и «огрызок»! – развела руками Кори. – И какой криворукий тролль ее только зачаровывал?

– Гремлины, – пояснила Ортанс.

– Кто ж додумался поручить зачаровывание сложной волшебной вещи гремлинам?

– Да их сейчас многие на магические заводы в качестве дешевой рабочей силы нанимают. Нечему удивляться.

Лично я уже почти ничему не удивлялась. Вдруг мне в голову пришла мысль.

– У меня, вернее, у Эммы Лир, наверняка своя такая книжка есть?

– Есть, конечно, – согласилась Ортанс. – Только общаться с нами через нее тебе придется очень осторожно. Настоящая Эмма Лир вписала бы туда наши имена лишь под страхом смертной казни. Кстати, где твои вещи? Давай заглянем в них?

Адептки принялись дружно оглядываться. Вскоре Эмбер обнаружила за мусорной корзиной кожаный портфель с серебряным тиснением над застежками.

– Это ее... Вернее, твое. Посмотри, что там?

Я неуверенно взяла портфель в руки. Это же чужое... или теперь мое? Застежки оказались не защелкнутыми, внутри все было перевернуто вверх дном. Будто кто-то в спешке вытряхнул вещи, а потом второпях кое-как запихал обратно.

Я перевернула портфель и вытряхнула содержимое на пол. Все посыпалось: какие-то тетради, книжки, сверкающие камни...

– Разговорной книги нет, – развела руками Ортанс. – Ты ее дома оставила?

– Не знаю...

– Я видела, как после занятий Эмма писала что-то, стоя возле этого туалета, – заметила Роза. – Ой, девочки, а вдруг ее книгу кто-то украл, пока бедняжка лежала без сознания? Что за цинизм! Какая бессердечность!

– Украл или не украл, – проворчала Кори, – суть одна: тебе, новая Эмма, придется пока попользоваться «огрызком». В смысле, обычная Эмма...

Девочки расшумелись, но староста быстро призвала их к порядку:

– Тише. Остался еще один том энциклопедии...

– А может, лучше все-таки что-то другое? – запротестовала вдруг Кори. – Ну что ей эта энциклопедия даст? Жизнь

же по ней не пишется.

– Действительно, – пожала плечами я. – Может, мне стоит узнать подробнее про саму академию? Изучить академический план, структуру и все такое? Я ведь даже не знаю, на каком факультете учусь. И... здесь вообще есть факультеты?

– Конечно, есть. Ты учишься вместе с нами в академии волшебной лингвистики. Специальность – языки восточных соседей, первый курс, – живо растолковала Ортанс. – Насчет этого не беспокойся – мы тебе сами все расскажем. Жалко тратить на это драгоценное зелье. Знаешь, что? – Она протянула мне пузырек. – Возьми. Применять их можно неделю подряд, но теперь вдыхай только по одной книге за сутки, чтобы мозги не перегрузить. Основное мы с тобой изучили, дальше разберешься по обстоятельствам.

Разберешься – легко сказать!

Я вдруг поняла, сколько всего мне нужно еще узнать, и все – все! – просто жизненно необходимо. Вот, например, этикет. Как тут люди здороваются? Кланяются? Или делают реверанс? Девочки вроде бы говорят просто – я бы даже сказала современно. Используют сленговые словечки наподобие «глючить» и «спалиться». А вот одеты они совсем несовременно. На каждой адептке викторианское платье с кантом из рюш по подолу. На спине бантик. У нас так только поклонницы лоли-субкультуры ходят, а может, уже и не ходят. Моды и веяния у молодежи сменяются со скоростью урагана. Последние годы я много общалась со старшими школьниками и

студентами, поэтому ухитрилась немного во всем этом деле разобраться. Именно они меня и подсадили на современные книги и интернет-ресурсы с самиздатом. Сначала я смотрела на выложенные там книги скептически, а потом втянулась и не пожалела. Сказочные миры поглотили меня с головой...

Этот мир хоть и похож на наш – он все же другой. Так что выучить правила этикета обязательно надо.

А еще – я адептка теперь. Адептка магической академии! Хоть и первокурсница, но знать о предметах надобно хоть что-то...

– Не переживай. – Роза подошла и сцапала мою ладонь своей теплой, как свежеиспеченная сдоба, рукой. – Все обрзается. А пока просто думай о том, что потеряла память и все забыла. Мы предупредим учителей – какое-то время они не будут тебя трогать.

– Этого недостаточно, – нахмурила черные брови предусмотрительная Ортанс. – Эмма, тебе нужно сходить в кабинет целителей и получить справку о том, что ты покалечилась.

У меня холодок по спине побежал.

– К целителям? А они не догадаются?

– Не должны. Обычно их интересуют только травмы, а у тебя с этим все в порядке.

– Но моя травма вообще-то несовместима с жизнью. Вдруг они поймут?

– Рискнуть придется. Настоящая Эмма Лир с любой ца-

рапиной бежала в травмпункт.

– Но я же вроде как память потеряла?

– Не спорь. – Ортанс отстранила Розы и строго посмотрела мне в глаза. – Сейчас занятия кончились, и в академии почти никого нет. Целители тоже хотят домой. Они быстренько выпишут тебе справку и отправят восвояси. Чтобы замять инцидент, они постараются максимально хорошо залечить твою рану и будут молчать об этом. Главное для них, чтобы не поднялась шумиха из-за того, что какая-то адептка сильно пострадала в стенах академии. А еще проси больничный. Отлежишься дома, освоишься.

– Все, иди, – прервала старосту Кори. – Пора заканчивать это собрание. Нас не должны рядом с тобой увидеть. Мы друг друга ненавидим – помни про этот факт, хорошо?

– Хорошо, – выдохнула я. – Так куда конкретно мне идти?

– Туда.

И я пошла «туда», а за моей спиной раздались довольные восторженные шепотки:

– Наша попаданка...

– Теперь у нас есть своя попаданка...

– Не хуже других заживем...

– Ура, ура...

Осторожно, как кошка, я вошла в кабинет целителей. В нос ударил едкий запах лекарств вперемешку с какими-то пряностями и травами. Возле открытого шкафчика возилась невысокая пышная женщина в голубом халате. Она стояла ко

мне спиной и понятия не имела, что я вошла. Целительница напевала себе под нос.

– Кх-кх, – кашлянула я, заставив женщину подпрыгнуть на месте и быстро повернуться.

– Уф, адептка Лир, ну вы меня и напугали. – Женщина изумленно выдохнула. – Что случилось?

– Да-а-а... вот. – Я повернулась спиной и указала на собственный затылок.

– Ох ты ж, демоны подземные! – Целительница схватилась за сердце и бегом припустила к столу с какими-то пузырьками и баночками. – Как же вас угораздило? – Достав из ящика кусок странной блестящей ваты, она смочила ее из ближайшего пузырька и, сделав пасс свободной рукой, выпустила в воздух сноп розовых искр. – Присядьте-ка сюда, – указала мне на стул.

Я села.

– Ай, – вскрикнула от боли. Затылок прижгло, как только целительница принялась протирать там своим раствором. – Больно.

– Конечно, больно. Такая рана... Голова пробита... Как вы вообще с подобной травмой сюда дошли? У вас, наверное, шок. Голова не кружится? В обморок упасть не хотите?

– Да пока не планировала, – пожалала плечами я, снова корчась от боли. – Выпишите мне справку, пожалуйста. И больничный на пару дней.

– Какая пара дней? О чем вы? Будете как минимум две

недели в кровати лежать и пить лекарства. Сейчас рассчитаю вам дозировку.

Целительница отошла в сторонку, зашуршала бумагой, выписывая рецепт, и я уже почти вздохнула спокойно, но тут в дверь постуча...

....да нет! Не постучали ни разу! В тесное помещение практически вломился какой-то мужчина в длинной черной мантии. Он был высок и хорошо сложен. Длинные черные волосы разметались по широкой спине. Горели глаза. Их азартный блеск отчего-то пугал...

Выжить бы.

Не просек бы этот мрачный незнакомец, кто я на самом деле.

В общем, здорово меня тот незнакомец испугал. Соответственно, я уставилась на него во все глаза, впад в спасительное оцепенение.

– Целительница Валериана? Что у вас тут произошло?

Незнакомец заметил мою раскромсанную голову, и увиденное ему явно не понравилось. Да кому такое вообще может понравиться?

– Э-э-э... – невнятно протянула я.

– Адептка в порядке, не беспокойтесь, господин проректор, – испуганно пробормотала целительница.

По ее тону я поняла, что все совсем – СОВСЕМ! – плохо.

– В порядке? – Синие и холодные как лед глаза-сапфиры с подозрением прищурились.

Я зачарованно отслеживала движения губ проректора. Под ними то и дело сверкали острые клыки. Эльфо-вампир быстро поймал мой взгляд, и посмотрел на меня так, что я сразу поняла – раскусит! Нет! В прямом смысле раскусит – вот этими самыми зубами!

– Со мной правда все хорошо, – пискнула я, поднимаясь со стула и пятась к выходу. – Я... Я... Меня дома ждут...

– Подождут. – Проректор властным жестом указал мне на покинутый стул. – Если хотят дождаться вас живую, а не ваш холодный труп.

– Но... – Я сделала еще один опрометчивый шаг к свободе.

– Сядьте! – рявкнул эльфо-вампир.

Я в два прыжка оказалась на указанном месте. Замерла, вжавшись лопатками в спинку стула, и, замурив глаза, покорно ждала своей участи. Сейчас он спросит меня о чем-нибудь – и все...

Ой, я же по легенде память потеряла. Стоит ли об этом сейчас упоминать?

Мужчина подошел ко мне сзади. В зеркале, висящем на стене, я увидела, как он смачивает руки одним из растворов. Длинные, как у пианиста, пальцы сплелись и снова расплелись.

– Так-так, что тут у нас... Сейчас вскроем труп и поглядим... В смысле, просто поглядим, пока без трупа... Или нет? Тут у вас все печально. Странно, что вы вообще живы

остались после такого удара. Кто это вас так приласкал?

– Раковина.

– Агрессивная попалась раковина. Осколок эмали отлетел и внутрь попал. Сейчас вытащу его...

Тело пронзила боль.

– Ай, может, не надо? – заскулила я, пытаюсь скукожиться, сжаться и скрыться от настойчивых, болезненных прикосновений.

Не нравилось мне происходящее. И слова про труп тоже не нравились. Я чувствовала себя мышью в западне.

– Надо, адептка. Надо, – прозвучал равнодушный ответ. – И все-таки вы очень сильно похожи на труп. Вас бы препарировать, тогда бы стало яснее...

– Оставьте меня в покое, пожалуйста. Я домой хочу, – соврала я.

Причем соврала только в том, что касается дома – я его пока в глаза не видела и соответственно никак не могла туда хотеть. А вот на счет «оставьте меня в покое» – это было на тот момент моим самым заветным желанием!

И я понимала, что сбыться этому желанию не суждено. Злобный мучитель вцепился в меня, как бультерьер, и ни за что не отпустит. Он сам это подтвердил:

– Понимаете, милочка, как первый королевский некромант я просто обязан увериться в том, что вы не ожившая мертвячка. И не представляете угрозы для окружающих.

– Чего? – Я даже на стуле подскочила. – Да я просто па-

мать потеряла... Головой стукнулась... А вы сразу обзываетесь.

Снова попыталась вырваться из цепких лап первого королевского некроманта, и снова попытка оказалась тщетной.

Спасение пришло неожиданно.

Словно из ниоткуда рядом появилась не менее мрачная, чем мой настойчивый мучитель, женщина. Длинной, чуть сторбленной тенью она возникла в дверях и величественно проплыла на середину кабинета. На ней было длинное серое платье в черную клетку. Его подол шуршал по полу в такт шагам. Почему-то я сразу поняла, что властью она, судя по тому, как затрепетала целительница, наделена не меньшей, чем ее коллега эльфо-вампиры. Больших руководителей видно сразу по выражению лица и особой ауре власти, пронизывающей все вокруг при первом их появлении.

– Проректорша Леммингус... – Целительница Валериана схватилась за сердце и сползла спиной по стеночке, бледная, как снег.

– Что здесь происходит? – прозвучал громогласный вопрос. – Потрудитесь объяснить?

– Ничего особенного, – хмуро буркнул в ответ первый королевский некромант. – Просто одна неуклюжая адептка умудрилась разбить себе голову...

– Разбить голову? – Госпожа Леммингус опасно свела тонкие брови. – Девочка разбила голову, и вы об этом так спокойно заявляете? Почему она еще не дома под наблюдением

семейных врачей?

– Никак не могу немедленно отпустить ее домой, – нехотя пояснил некромант. – Пока не буду убежден, что она не зомби.

– Зомби? В нашей академии не было и нет никаких зомби. Вы, господин Лунгрэ, слишком много себе позволяете.

– Что поделать, я ведь первый королевский некромант, и такова моя работа.

– Бывший первый королевский некромант.

Это был удар ниже пояса. Краем глаза я увидела, каким жутким стало в тот момент лицо проректора. Под высокими скулами заходили желваки, глаза метнули молнии...

...Но он сдержался. Ничего не сказал.

Проректорша тем временем продолжила:

– Госпожа Валериана, вызовите наш кэб и лично сопроводите адептку Лир до него. Скажите кучеру, чтобы с рук на руки передал ее отцу и не забудьте про больничный и наблюдение.

Целительница послушно схватила меня под руку, настойчиво повела за собой.

– Все сделаю, госпожа проректорша, не переживайте!

Как в тумане, я прошла мимо застывшего у стены господина Лунгрэ. Когда мы поравнялись, услышала приглушенный пугающий шепот, адресованный мне:

– Так вы и есть Лир? Вот уж не ожидал...

Как же страшно. И непонятно. Скорее... Скорее уведите

меня отсюда!

Валериана перебинтовала мне голову и проводила к выходу.

Перед тем, как оказаться на высоком крыльце с каретным подъездом, мы долго петляли по длинным коридорам с дубовыми дверями, тяжелыми коврами на полах, доспехами в нишах и гобеленами, льющимися по стенам с потолка.

На улице меня ослепило яркое солнце. В этом мире и солнце было больше, и небо выше. Ветерок гонял по разливистой лазури веселые кучерявые облака. С крыльца академии открывался вид на парк с разноцветными деревьями – красными и бордовыми дубами, серебряными ивами и голубыми елями. За парком поднимались высокие здания. Был слышен шум голосов, скрип колес и ржание лошадей. Город жил своей повседневной жизнью.

Кэб уже ждал меня. Пухлый кучер с закрученными усами поинтересовался с сочувствием:

– Что у вас там случилось? Кто барышню обидел?

– Раковина, – коротко бросила Валериана, добавив. – Милый Грэм, отвези, пожалуйста, юную госпожу Лир домой и передай отцу с рук на руки. И не утомляй ее своей болтовней, понял?

Ах, сколько десятков лет меня уже не называли «юной». А уж «госпожой» вовсе никогда не величали. Даже приятно.

– Понял, – смиренно кивнул Грэм. – Все сделаю.

Я погрузилась в экипаж. В отбитой голове крутилась лишь

одна мысль – семья. Моя собственная семья всегда была обширной. Дочери, внуки, племянницы и племянники с их детьми. Мои трое братьев были намного старше и уже, к сожалению, умерли. Остались их жены, с которыми я довольно хорошо общалась. Встречались мы правда только по большим праздникам... Но то была семья Эммы Чижиковой. Что насчет Эммы Лир? Почему я не расспросила у девочек?

Но у меня же есть разговорная книжка. Точно!

Я достала подарок Лиз, открыла на первой страничке и, взяв в руки карандаш, вывела аккуратным разборчивым почерком: «Расскажи что-нибудь про мою семью».

Не знаю, что там появилось на страничке Лиз, но вскоре мне пришло в ответ: «Врасти, но мы недолго лаем про твою свинью». Обратившись к логике предыдущих пробных посланий, я расшифровала присланное как: «Прости, но мы немного знаем про твою семью». Чуть позже пришло еще одно: «Твоя мазь уплыла». Я не сразу поняла суть фразы, но потом предположила, что это значит: «Твоя мать умерла». Логично. Неспроста же целительница попросила кучера Грэма передать меня именно отцу.

Пока переписывалась, лошадь процокала по мостовой, проезжая мимо витрин и вывесок. «Цирюльник», «Сладости мадам Помфари», «Эльфийские вина», – читала я названия, а сама думала: «Интересно тут люди живут, и нелюди тоже. А еще интереснее, как живу я... Вернее, Эмма Лир».

ГЛАВА 2. Тайная жизнь Эммы Лир

Хорошо, что хоть имена у нас совпали.

Эмма и Эмма. Интересно, это случайность или правило?

Экипаж остановился перед высоким кованым забором.

Грэм лихо соскочил с облучка, открыл дверь и помог мне выбраться. Вместе мы дошли до узорной калитки. Она была надежно заперта изнутри. За чугунными переплетениями можно было разглядеть мощенную плиткой дорожку, сад и особняк. Не слишком ухоженный. Бледная штукатурка местами облупилась, из-под нее глянул красный кирпич. Густые кудри плюща добрались до крыши. Все захватили, свободной от ненасытных зарослей осталась только одна острая башенка. Флюгер на ее вершине – вставший на дыбы грифон – чуть заметно вздрагивал от легкого ветра.

Так вот где я теперь живу. Выглядит лучше, чем моя многоэтажка постройки начала девяностых. Однако радоваться новому месту проживания пока рано. Мне сейчас встреча с отцом предстоит. Одна надежда на разбитую голову. Может, мой новый отец спишет странное поведение дочери на травму? В возможной странности своего поведения для домашних я была уверена процентов на девяносто. Вообще не представляла, как вела себя с ними истинная Эмма Лир. В глазах однокурсниц она была задавакой и врединой, но тут ведь не академия? С семьей Эмма могла быть совсем другой.

Деваться мне все равно уже некуда. Одна надежда, что по ходу дела сориентируюсь. Мой бдительный сопровождающий потянулся к ручке калитки. Она была выполнена в виде чугунной головы горгульи, сжимающей в пасти тяжелое кольцо.

Когда Грэм взялся за кольцо, горгулья недовольно пробормотала:

– Фто пфифол? Фто фадю?

Наверное, это значило: «Кто пришел? Что надо?». Кольцо портило мифической зверюге дикцию.

– Юная госпожа Лир, – доложил кучер. – Мне велено сопровождать ее к отцу. Она сегодня получила травму головы, так что отпирай поскорее.

– Пафюфь, – потребовала горгулья.

– Не знаю я пароль, я не местный, – оправдался Грэм. – Ты на госпожу свою взгляни? Она головой ударилась и вес забыла. Ей бы лечь поскорее и лечиться, а ты...

Чугунная башка внимательно оглядела меня беззачными выпученными глазами и наконец согласилась впустить.

– Дейфвительно гофвова. Пвофотите.

Калитка отворилась и впустила нас в сад. Он был прекрасен и впечатляющ. Цветы десятка, а может, и сотни разных сортов благоухали вокруг. Вдоль ведущей к дому дорожки выстроились рядами маргаритки, анютины глазки и петунии. За ними поднимались белые хосты и бегонии. Следующим рядом шли папоротники нескольких сортов, перемежавшие-

сы с декоративными туями и небольшими горными соснами. Из зеленых зарослей там и тут смотрели белые статуи – дриады, фавны, полуголые атлеты и богини в туниках. Мне показалось, что все они внимательно наблюдают за мной. Спустя минуту я поняла – так и есть. Мраморные фигуры чуть заметно наклоняются друг к дружке и перешептываются.

Не подавать вида, что удивилась... Не подавать вида! Все нормально – это же просто ожившие статуи. Чего в них такого?

Мы дошли до особняка и поднялись на крыльцо. Там Грэм остановился и пропустил меня вперед, как хозяйку. Я неуверенно открыла дверь, шагнула в полутемный холл. Надеюсь, отец нас встретит, а то я понятия не имею, куда идти дальше.

Быстро окинув помещение взглядом, я заметила две полукруглые лестницы, ведущие на галерею второго этажа и несколько дверей на первом.

Наверху раздались быстрые шаги. Отец? Я его даже в лицо не знаю. Надеюсь, он поздоровается первым, потому что я не представляю, как к нему обращаться. Что сказать: «Привет, пап», «Здравствуй, папуля» или что-то другое, о чем я даже не догадываюсь?

Человек, вскоре спустившийся вниз по одной из лестниц, был высок, сед, морщинист и не слишком походил на Эмму Лир. На меня то есть. Не отец? Угадала! Встречающим оказался дворецкий. Он осмотрел меня с ног до головы и, не меняя выражения лица, сказал голосом, лишенным эмоций:

– Следуйте за мной, госпожа. Хозяин ждет вас в кабинете. Ему уже сообщили о случившемся.

Я молча кивнула, проводила взглядом быстро покинувшего дом Грэма и последовала за новым провожатым. Переступая со ступеньки на ступеньку, я перебирала возможные приветствия. Сначала остановилась на «добром дне», но потом, на последней ступени лестницы решила все же прибегнуть к банальному «здравствуй».

Поднявшись на второй этаж, мы миновали длинную галерею и остановились перед дверью из черного дерева. Вместо ручки на ней обнаружилась еще одна голова горгульи. У этой рот был не занят – при открытии двери братья надлежало за длинный загнутый в сторону рог.

Когда мы подошли вплотную, эта новая горгулья открыла глаза под сурово нахмуренными бровями и рычащим голосом объявила:

– Господин Лир ждет. Пр-р-рошу, пр-р-роходите в кабинет.

Дворецкий, имя которого мне следовало в ближайшее время выяснить, зашел первым и сообщил:

– К вам молодая госпожа Лир.

И тут я вошла, мысленно напоминая себе не удивляться и не глазеть по сторонам. Я, вернее Эмма Лир, тут уже не раз бывала...

Кабинет хозяина дома был отделан темным деревом. Вдоль стен стояли этажерки с книгами, папками и коробка-

ми, обтянутыми кожей. В коробках лежали какие-то бумаги. Возле огромного окна стоял массивный дубовый стол, за которым, спиной к входящим, сидел лысеющий полный человек.

Ну что же, начнем разговор.

– Здравствуй, – сказала я громко, постаравшись при этом проглотить окончание.

Кто знает, вдруг Эмма Лир общается с отцом на «вы»?

– Здравствуй, Эмма, – прозвучало в ответ. Он даже не обернулся, продолжив что-то увлеченно писать в большой тетради. – Мне сообщили, что ты сегодня разбила голову.

– Да. Произошел несчастный случай. Я немного поранилась.

– И как тебя угораздило, скажи на милость? В такой ответственный момент!

Отец явно рассердился, судя по тону, но, к моему удивлению, так и не взглянул на меня. Кажется, его не сильно беспокоила сама травма. Почему же тогда сердится?

– Я поскользнулась в туалете и...

– Избавь меня от подробностей, Эмма. – Господин Лир шумно переложил бумаги и потянулся за большой коробкой, стоящей в дальнем углу стола. – У тебя, если ты не забыла, на днях помолвка. Ты же знаешь, как этот союз важен для моего дела. Знаешь?

– Знаю, – наугад согласилась я. – Извини, я не специально.

– Специально – не специально, – проворчал отец, – это

уже неважно. Иди в свою комнату, лечись и думай, как быть дальше. Твой жених придет к нам завтра на обед. Постарайся выглядеть презентабельно, как хороший товар на витрине. Поняла?

– Поняла.

– Тогда иди к себе. Проводи ее в комнату, Троттон...

На этом разговор с «любящим» папочкой был завершен.

По дороге к себе я размышляя о том, что почерпнула из этого недолгого диалога. Во-первых, папуле я, кажется, не слишком интересна. Он весь из себя бизнесмен, и дочурка Эмма, похоже, интересуется его только в качестве предмета успешной партнерской сделки, обставленной в виде брака. Узнать бы с кем. Это принципиальный вопрос... А во-вторых, дворецкого зовут Троттон. Теперь я хотя бы могу к нему обращаться.

Комната Эммы Лир находилась в той самой башенке, одиноко торчащей над зарослями плюща. Она оказалась просторной и уютной. Кровать, гардероб, небольшой рабочий столик с креслом, трюмо с зеркалами, заставленное какими-то баночками, склянками и пузырьками. На окне цветы – кремовые чайные розы в горшочке. Три стены светлые, обшитые полированной доской, одна с каменной кладкой, возле нее камин. На полу – шерстяной ковер с узором в виде горного хребта. В углу узкая лесенка, ведущая куда-то наверх. Тут еще и два яруса? Здорово! Живи я в своем мире, в столице, на жилье с подобным ремонтом мне бы всех моих

накоплений не хватило даже при большом желании...

– Я скажу Лорне, чтобы принесла вам еду, – сообщил дворецкий перед тем, как откланяться.

Он исчез за дверью так быстро, что даже не расслышал мое негромкое «благодарю».

Ну вот, еще одно имя узнала. Лорна. Наверное, она кухарка или горничная. А вот как, интересно, зовут моего отца? Как бы выяснить, чтобы не вызвать подозрений? Всякое можно забыть, но не имя родни же? За такие масштабные провалы в памяти меня, чего доброго, «в поликлинику на опыты» отправят, дабы изучить степень моей амнезии.

Проверив удобство кровати и внимательно изучив вид из окна, я сунулась в гардероб. Там нашлось нечто длинное и расписное, похожее на халат с запахом. Скинув форменное платье, я переоделась и с тоской оглядела въевшиеся в ткань кровавые пятна. Отмоются ли? Надо будет их застирать и... Хотя нет. Я же теперь богатая госпожа, и мне, скорее всего, не положено заниматься стиркой.

Снова порылась в шкафу. Там нашлась еще пара платьев, похожих на форму академии. Уже неплохо. А тут что? На одной из внутренних полок поблескивало что-то, заваленное бельем. Просунув туда руку, я вытянула небольшую серебряную шкатулочку, инкрустированную драгоценными камнями. Ее крышка была приоткрыта, внутри, на потертом бордовом бархате, лежала какая-то мятая бумажка.

Записка?

В дверь постучали.

Это, наверное, Лорна принесла обещанную Троттоном еду.

Решив разобраться с находкой чуть позже, я сунула ее обратно в шкаф. Подойдя к двери, произнесла как можно громче и увереннее:

– Входи.

К прислуге ведь на «ты» принято обращаться? Неудобно как-то...

В комнату проскользнула низенькая женщина лет сорока. На ней было надето коричневое платье с белым передником, похожее на школьную форму времен советского союза. У меня такой был, накрахмаленный с большими воланами и завязками за спиной. Белый – праздничный для линеек и редких фото. Повседневный был черный. И платье коричневое...

Но что-то я отвлеклась. Итак, женщина. Ее волосы, остриженные под каре, стягивал бархатный ободок. Перед собой она толкала сервировочную тележку, на которой стояли тарелки с чем-то...

Я не сразу поняла, что это за блюда. Выглядели они непривлекательно. Зеленые. Даже болотные. На вид не слишком аппетитные.

Женщина поставила на стол тарелки и бокал с какой-то серой жижей. Заметив мой удивленный взгляд, оправдалась: – Ваш стандартный диетический набор. Икра болотного

жаброида со шпинатом, корни эльфийской агавы с мясом белого слизня, каша из пророщенных зерен дуроцвета и свежавыжатый сок редьки. Я больше не самовольничала, честное слово. Приправ и соли не добавляла. Сахару тоже.

Набор. Ага... Ясно. Значит, Эмма Лир сидит на диете? Что это еще за диета такая дурацкая? Жабы, корни, слизи! Меня от одних названий блюд затошнило. Вот не повезло...

– Спасибо, Лорна, все в порядке, – успокоила я женщину.

– Я Лара, – осторожно поправила она.

Вот, черт! Это не та служанка, про которую говорил Троттон. Делать нечего, сошлюсь на больную голову.

– Прости, я оговорила. Голова болит – ничего не сообщая, – виновато улыбнулась я.

В удивленных глазах Лары высветилось отчетливое согласие с этим заявлением. Судя по реакции новой знакомой, я, а вернее, Эмма Лир, делала что-то не то. Вела себя очень странно. Наверное, слишком раздружелюбничалась. Пожалуй, стоит быть посуровее.

– Все. Иди, – коротко бросила я, убрав с губ улыбку и стараясь говорить как можно более холодным тоном. – И заberi мое платье в стирку.

Для успокоения совести я мысленно добавила в конце беззвучное «пожалуйста».

– Хорошо, госпожа.

Забрав форму, Лара ушла, а я, предварительно отругав себя за плохую актерскую игру, принялась ковырять вилкой

в ближайшей тарелке. В ней находилось нечто, похожее на смесь болотной жижи с просроченным почерневшим горошком. Запах от диетического блюда исходил соответствующий. Кажется, это и была икра жаброида с эльфийским чем-то там... А я-то, наивная, думала, что эльфы исключительно амброзией питаются.

Но голод не тетка. Придется есть, что дали. Если я сейчас начну требовать картошечку с мясом или макаронки – интересно, в этом мире вообще есть макаронки? – то выглядеть это будет крайне провокационно. А моя главная задача сейчас – не отсвечивать.

Трагически выдохнув, я подковырнула вилкой то, что подковырнулось, и, зажмурившись, отправила в рот. Не так уж и ужасно. Почти безвкусно. А вот после второго захода меня вдруг сильно затошнило. Бросив вилку, я зажала руками рот и заметалась по комнате.

Где тут санузел? Мне он срочно нужен! А, вот же он – узенькая едва различимая дверца в углу за гардеробом. Распахнув ее, влетела в небольшое, отделанное плиткой помещение, посреди которого стоял керамический унитаз. В него меня и вывернуло... Это было ужасно. Я думала, у меня все внутренности наружу вывалятся.

Хорошо, что рядом обнаружилась раковина. Умыв лицо, я вернулась в комнату и, сев на кровать, отвернулась от диетических деликатесов. Ну уж нет. Больше я к этому не приронусь!

Опустошенный желудок предательски заурчал.

Согнувшись пополам, я обхватила себя за плечи руками и завалилась на бок. Плохо. Это, наверное, из-за сотрясения... Так я, пожалуй, Ларе и скажу – что из-за травмы диету придется отменить. Спасибо, разбитая голова, ты меня уже второй раз выручаешь!

Когда, минут через двадцать, служанка пришла, чтобы забрать посуду, я с облегчением сообщила ей – диета пока отменяется.

– Слава Летней Богине, госпожа. Давно бы так, – не смогла скрыть своей радости Лара. – Все эти новомодные диеты на пользу организму не идут.

Она улыбнулась, но тут же испуганно потупилась, решив, что повела себя излишне фамильярно. Видимо, настоящая Эмма пресекала подобное поведение. Я тоже должна. Несмотря на необходимость маскировки, мне вовсе не хотелось пугать или обижать эту добрую женщину, поэтому я ограничилась коротким прохладным:

– Да.

– Принесу вам овсяной каши, – не глядя мне в глаза, тихо отчиталась Лара перед тем, как снова исчезнуть за дверью.

Вскоре она вернулась с кашей, невероятно сытной и вкусной. Было ясно, что ее, в отличие от всяких там икр жабroids, готовили с любовью, от души.

После каши меня не стошнило, но мутило до самого вечера так, что от ужина пришлось отказаться. Тело охватила

неприятная слабость. Ноги подкашивались, поэтому я легла на кровать и попыталась немного поспать. Нужно набраться сил, в этом новом мире у меня будет много хлопот и забот, чувствую.

Только начала дремать, из сумки, оставленной возле окна, донеслось едва слышное жужжание. Это жужжала разговорная книга. Наверное, пришло сообщение от Лиз.

Так и было. Надпись гласила следующее: «Ты мак? Тебя не раскрасили?» Тут я быстро все поняла: «Ты как? Тебя не раскусили?» – вот что волновало моих сокурсниц. Ответила: «Все хорошо». Уж не знаю, что там девочкам мой «огрызок» переправил, но адептки – я уверена, Лиз писала не одна, – ответили совершенно загадочным посланием, расшифровать смысл которого я так и не смогла. «Натужно поганое тесто», – высветилось в свободной строке. Что бы это могло значить? Жаль все-таки, что пропала личная книжка Эммы Лир. Интересно, почему она пропала? Неужели ее действительно кто-то забрал? А если так, не связан ли этот кто-то с тем фактом, что Эмма в туалете голову разбила? И вообще, сама ли она разбила, или похититель книги ей с этим помог?

От неприятной догадки по спине пробежал холодок, а между лопаток стекла вниз струйка пота. Тут мой взгляд упал на дверцу приоткрытого шкафа. Точно! Там же шкапулка, содержимое которой я хотела изучить перед обедом.

Достав из белья драгоценный, видимо, предмет, я вынула из его бархатного нутра бумажку. Стала разворачивать.

Нижняя часть находки тут же осыпалась прахом – записку, по всей видимости, успела подбросить какая-то местная живность. Но верхняя часть сохранилась. Я прочла написанные аккуратным почерком слова, и глаза мои округлились от удивления.

«Я знаю тайну, и меня скоро убьют. Поэтому я позвала тебя, попаданка, чтобы ты, находясь в этом теле, закончила то, что я начала...» – дальше в записке была дыра. – «Запомни, что убийца...» На этом послание окончательно обрывалось.

Что? Что я только сейчас прочитала? Эмма Лир обращается ко мне и просит завершить ее дело? Ее убили... Убили! И с этим связана какая-то важная тайна. Настолько важная, что Эмма даже умереть спокойно не смогла...

Я разнервничалась так, что голова закружилась. Пришлось сесть на кровать и хорошенько задуматься. Меня призывали в чужое тело. Специально. Не просто так. Не случайно. Придется как-то с этим жить. Учитывать то, что здесь я не на отдыхе, а с миссией.

Что же? Не я первая, не я последняя, как говорит в таких случаях Ортанс.

И там ведь еще вторая часть записки была, в которой говорилось про убийцу.

Я испуганно заозиралась по сторонам. Убийца! Только его мне сейчас не хватало. Если он по-прежнему рядом? Если увидит живую Эмму, то что сделает? Не захочет ли закончить начатое?

Слишком много событий, неожиданностей и тайн, чтобы справиться с этим всем в одиночку. Фу-у-уф, мне надо срочно об этом с кем-то поговорить. С девочками. Но как?

Словно в ответ на мой мысленный вопрос пришло сообщение от Лиз: «Я в бреду к тебе с угря. Припасу давнешнее задание». Хорошо, хоть эту шифровку я смогла с легкостью понять: «Я приду к тебе с утра. Принесу домашнее задание».

На душе сразу стало легче. Лиз придет. Надеюсь, у нас получится остаться наедине и переброситься парой слов. Но это будет только завтра...

Дождаться бы этого завтра.

Я подошла к окну и принялась внимательно оглядывать сад. Всматриваясь в густые кроны деревьев, поймала себя на том, что снова думаю про убийцу. Мое окно высоко над землей, засовы на нем прочные, стекла перечеркнуты кованой решеткой – вряд ли кто-то с улицы влезет. В двери есть замок – на ночь закроюсь. Дом у Эммы богатый, наверняка тут дежурит охрана...

С другой стороны, убийца ведь уже добился своего. Он пробил раковинной голову Эммы. И, быть может, он сейчас уверен, что его жертва мертва, и сам где-то прячется. Но это только в том случае, если его не было среди тех, кого я встретила сразу после попадания в этот невероятно волшебный и настолько же опасный и непредсказуемый мир. Девочки – вряд ли кто-то из них мне враг. Госпожа Леммингус? Она да же глазом не повела, увидев меня живой. И травма моя ее ис-

кренне расстроила. Целительница Валериана? Про нее сложно что-то сказать, она вся какая-то задерганная и нервная. Еще остаются домашние и тот жуткий некромант. Он страннее всех себя вел со мной. Все выяснял, не труп ли я случайно? А потом узнал мою фамилию и, кажется, был крайне этим раздосадован.

Очень подозрительно...

Я думала так усердно, что голова заболела. Решив немного отвлечься, обследовала второй ярус своих покоев. Там оказалась уютная библиотека с огромными полукруглыми окнами и гигантским кожаным креслом для чтения. Вспомнив, что сегодня мне можно вдохнуть еще одну книгу, я отыскала и выбрала справочник по этикету. Внимательно прочитав описание на пузырьке, я выяснила, что от передозировки могут быть рвота и галлюцинации...

Первое в наличии, выходит, скороучебный недельный марафон Ортанс придется отменить.

Вскоре ко мне пришел семейный целитель – худой и молчаливый мужчина в огромных очках. Хрупкая девушка, его ученица, под чутким руководством поворожила над моей раной, а также промыла и перевязала ее. Отец заявился в комнату под конец осмотра. Интересовало его только одно – можно ли будет завтра снять бинты. Старый целитель сказал, что можно, после чего господин Лир успокоился и ушел к себе, даже не попрощавшись.

Похоже, его волновало не столько мое здоровье, сколь-

ко товарный вид. Завтра ведь у меня смотрины. Придет какой-то там жених. В моем мире у меня когда-то был жених. И даже муж. Очень-очень давно. Он бросил меня почти сразу после рождения дочерей, и больше мы не общались. После этой неудачи я решила завязать с темой женихов и полностью сосредоточиться на детях...

На душе стало тревожно, но я постаралась прогнать дурные мысли. В конце концов, сложившаяся ситуация лично от меня не зависела. Мне все это расхлебывать, да...

После ухода медиков я просидела в библиотеке до темноты, самостоятельно изучая все, что может мне еще пригодиться в этом мире. Перед сном Лара принесла какао и бутерброд со сгущенным молоком. Я отперла дверь, впуская ее. Хорошо, что в доме Лиров принято стучаться – Лара, кажется, даже не поняла, что я запиралась. Передавая мне серебряный поднос с чеканкой в виде лилий, служанка сияла так, будто это ей, а не мне диету отменили.

– Приятного аппетита, – пропела она перед тем, как исчезнуть за дверью.

После большой чашки какао сон сморил меня почти мгновенно.

До утра я спала как убитая (вот ведь неуместная ирония), проснулась с восходом. Мои окна выходили на запад, за ними сад тонул в тени особняка. Небо у горизонта с моей стороны было еще лилово-серым. На верхушках деревьев одеялом лежал густой туман. За нашим садом – я ведь могу теперь

называть его «нашим»? – стояли соседние дома. Их крыши, устланные разноцветной черепицей, поднимались над туманом. Почти на всех имелись высокие конические башенки – видимо, это было особенностью местной архитектуры. Ближе к горизонту район с особняками заканчивался, за ним виднелись какие-то крупные, массивные постройки, но в утренней дымке их было сложно разглядеть в деталях. А за дымкой, в почти непостижимой глазом дали, поднимались к небу искрящиеся световые столбы.

Что это такое, интересно?

Когда я отвернулась от окна, мой взгляд привлекла яркая вспышка света на шкафу. Что-то блестящее, лежащее там, отразило рассветный луч...

Пододвинув кресло и взгромоздившись на него, я пошарила рукой между потолком и шкафом. Пальцы быстро нащупали что-то круглое и влажное, неприятное на ощупь. Сперва хотела отступить от находки, но любопытство пересилило, и я достала таинственный предмет...

Достала – и тут же с криком выбросила. Потому что это был глаз. Живой!

Он вращался внутри стеклянного маслянистого шара и бешено зыркал по сторонам. Что это еще такое? Какой-то очередной магический гаджет? Глаз... Это наверняка для слежки.

Вытянув с гардеробной полки первый попавшийся платок, я подобрала неприятную находку, завернула ее в ткань

и спрятала в ящик стола.

В тишине сонного дома мои торопливые шаги и прыжки по креслу, видимо, прозвучали излишне громко. Иначе я не могла объяснить стремительное появление Лары с подносом, на котором стояли чайник и чашка.

– Доброе утро, госпожа, – поприветствовала меня служанка. – Вы ранехонько, как всегда. Ваш чай.

Она откланялась, как прежде, быстро. А я принялась медитировать над чашкой чая, раздумывая, как со всем этим жить дальше. Думать не получалось. Ненасытный желудок, превратившийся с ночи в голодную бездну, возмущенно булькнул: «Как это, один чай?» Словно в ответ на его недовольство вернулась Лара и принесла круассан с маслом и кашу.

– К вам там, кстати, пришли, – сообщила тихо.

– Кто? – уточнила я.

Пришли? В такую рань?

– Ваша сокурсница из академии. Она принесла домашнее задание. Пригласить?

– Да, – обрадовалась я, постаравшись при этом максимально скрыть эмоции.

Я ведь по легенде не люблю своих сокурсниц.

Вскоре в комнату мышью скользнула Лиз. Плотнo прикрыв за собой дверь, она плюхнулась в предоставленное мной кресло и заговорщицким шепотом поведала о событиях этого утра.

– Привет! Я на пять минут. Это все госпожа Леммингус, – заговорила она взволнованно. – Она так переживает из-за тебя, вернее из-за Эммы, что с порога академии отправила меня тебя проводить. И немудрено. Лир – одна из ее любимиц.

– Это, наверное... хорошо? – осторожно предположила я.

– С одной стороны – да, неплохо. С учебой она тебя никогда сильно не мучила, – задумчиво почесала затылок Лиз. – А с другой – нехорошо, потому что слишком много внимания теперь будет приковано к твоей персоне. Госпожа Леммингус может что-то заподозрить.

– Понятно, – протянула я. – Все же отрадно, что у меня есть немного времени, чтобы освоиться.

Произнося это, я раздумывала, как сообщить подруге обо всех тех волнующих и пугающих новостях, что я узнала. Сейчас для нормального разговора времени уже не оставалось. Мне нужна вдумчивая и основательная беседа по этому поводу и желательно не с одной Лиз.

Она заметила мою тревогу. Спросила:

– Все в порядке? Что-то случилось?

– Да. И я хотела бы поговорить об этом со всеми вами, но не в этой комнате. Здесь мне как-то беспокойно. Мне кажется, за мной тут следят, – сообщила едва слышно, пригнувшись к самому уху сокурсницы.

– Как ты это поняла? – спокойно поинтересовалась она.

– Сейчас... – Я крадучись дошла до стола, бесшумно вы-

тянула ящик и извлекла оттуда найденный глаз. – Вот это, по-твоему, что?

– Ого... – Брови Лиз изумленно взлетели вверх. – Это редкая штука, делается на заказ. Индивидуальное средство тайного слежения. Моя мама работает на заводе, где их производят. Можно взять? Попробую узнать серийный номер и выяснить имя приобретателя.

– Бери, – кивнула я.

Лиз посмотрела на часы, тяжело вздохнула:

– Мне, к сожалению, пора. А ты подумай, где можно собраться в спокойной обстановке. Может быть, где-то в саду? Он у вас большой. Я как-то слышала, что Эмма хвасталась подруге садовым домиком, который ей зачаровали втайне от домашних.

– У Эммы есть подруга? – переспросила я.

– Да. Ее зовут Мари-Клэр, и характер у нее еще почище, чем у тебя... Чем у Эммы.

– Вот бы поговорить с ней, выяснить кое-какие нюансы, которые вам моя предшественница точно не рассказывала.

– Идея хорошая, – поддержала Лиз, – но вот только, как мы поняли, вы с Мари-Клэр поссорились около месяца назад и из закадычных подруг стали чуть ли не лютейшими врагами.

– Вот как... – расстроилась я.

В коридоре раздались громкие тяжелые шаги. Вскоре в комнату заглянул господин Лир. Он недовольно посмотрел

на Лиз и пробурчал сердито:

– Эмма больна. Ей нельзя много разговаривать. Передали задание? Свободны.

– Извините, – пискнула Лиз и, быстро кивнув на прощание, проскользнула мимо отца и исчезла за дверью.

Не очень-то вежливо получилось. Чем ему так Лиз не угодила?

– Эмма, ты помнишь, что у тебя сегодня важная встреча? – озабоченно напомнил мне господин Лир. – Не забыла? Подготовься. Сделай что-нибудь с волосами и повязку эту безобразную убери, поняла?

Пришлось согласиться:

– Поняла.

А что мне еще оставалось делать? Заботливый папочка сегодня не в духе. Лучше его не злить.

– Лара, Лорна! – крикнул он тем временем. – Займитесь Эммой немедленно. Жених будет у нас к полудню.

ГЛАВА 3. Жених не приходит неожиданным

Лара и Лорна – они, к моему удивлению, оказались близняшками – постарались на славу. Итог их трудов не мог не радовать – из большого зеркала на меня смотрела новая Эмма (или новая я) весьма презентабельного вида.

Длинное платье с пышным подолом до пола подчеркивало фигуру. Сначала я даже обеспокоилась – не слишком ли подчеркивает? Я давно отвыкла от платьев и последние лет десять носила в основном удобные брючные костюмы даже на праздники. В быту предпочитала мягкий трикотаж... И все же отражение меня порадовало. Я так и в лучшие свои годы не выглядела, а тут – прямо звезда.

Особенно туго пришлось с волосами. После несчастного случая в туалете моя голова была не в лучшем состоянии. Волосы превратились в склеено-спутанный ком пакли. Ларе и Лорне пришлось повозиться, чтобы разобрать это безобразие на локоны, промыть, высушить и уложить кудрями. Но они справились.

Сказать по правде, вся эта процедура дико смущала меня. Не привыкла я к тому, что меня обслуживают. Мне было стыдно и неудобно за то, что меня, взрослую девушку, одевают и отмывают, как грудного беспомощного ребенка. Ну,

разве это дело?

Но что поделать...

После долгих и кропотливых приготовлений я спустилась в зал для гостей.

Сама бы ни в жизнь до него не добралась. Спасибо Ларе – она заботливо проводила меня. От подножья башенки, где располагались покои Эммы, скрипучая лестница вела в самое сердце дома. Там находился огромный приемный зал-веранда с видом на сад. Посреди него стоял накрытый стол на... Три персоны? Я подумала, что это странно – такой длиннющий столик накрыть ради троих.

Отец уже ждал во главе стола. Он придирчиво осмотрел меня с ног до головы и, кажется, остался доволен. Кивнул на соседний стул с высокой спинкой.

– Присаживайся.

Я послушно села туда, куда сказали.

Застекленный ячеистый потолок пропускал внутрь лучи солнечного света, они отражались от хрустальных графинов и разбегались по стенам веселыми зайчиками. Где-то в глубине сада, в клубах лиловой сирени, пела птица. Из пышного розового куста, тесно прижавшегося к панорамному окну, выглядывало любопытное личико мраморной дриады.

За дверью раздались шаги.

Первым вошел дворецкий. Многозначительно кивнув господину Лиру, он почтительно пропустил вперед кого-то, идущего позади, а сам застыл сбоку от прохода, склонив го-

лову и опустив глаза.

Тот, кто вошел следом, был высок. Он двигался плавно и в то же время осторожно, как хищный зверь из породы кошачьих, ступивший на незнакомую территорию. Он огляделся по сторонам, одним быстрым движением глаз мазнув по стенам и потолку.

А потом посмотрел на меня, породив в моем затрепетавшем сердце одно-единственное желание – немедленно провалиться под землю, стать невидимой, исчезнуть с лица земли.

Прямо сейчас рассыпаться в воздухе с громким хлопком...

Ведь гостем – женихом, что еще хуже! – оказался не кто иной, как господин Лунгрэ, он же проректор академии, он же бывший первый королевский некромант...

Мне стало дурно, когда морозно-синий взгляд прошел меня насквозь. Нет, господин Лунгрэ не бы удивлен, скорее зол и раздражен (другим я его пока, если честно, не видела), а вот я пребывала в шоке. Мысли метались в голове роем взбесившихся мотыльков. Он и есть мой жених? Он этим явно недоволен! Я тоже, если честно, не в восторге.

Господи, господи, господи... Паниковать нельзя! Надо собраться и сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Собрав волю в кулак, я выпрямила спину и натянула на лицо жалкое подобие доброжелательной улыбки. Постаралась смотреть при этом уверенно. Пусть этот вредный тип не

думает, будто я его боюсь...

Тут и папочка подрос. Подскочил к некроманту и принялся отчаянно трясти его руку в приветствии. При этом он как-то совершенно неуместно подмигивал, из-за чего на лице гостя возникло брезгливое выражение.

— О, господин Лунгрэ! Марко... Я ведь могу вас так теперь называть? Мы ведь с вами почти уже родственники?

— Почти. — Мой жених довольно резко вытянул свою ладонь из цепких папашиных пальцев. — Давайте не будем торопить события, господин Лир.

— Что вы, дорогой мой, да разве я вас тороплю? Вы присаживайтесь, сейчас закуски принесут, а потом горяченькое.

Лунгрэ уселся напротив меня. Посмотрел хмуро в упор. И чего мне только стоило выдержать этот холодный, полный ненависти взгляд. И чем я ему так насолила? Что сделала? Какие проблемы доставила? Понятия не имею. А господин Лунгрэ ведет себя так, будто его под страхом смертной казни жениться заставляют...

Еще одна тайна в мою копилку тайн, будто мне их мало.

— Спасибо, я не голоден, — отказался от предложения папеньки некромант. — А вот крепкого кофе я бы выпил.

— Только кофе? — На раскрасневшемся лице отца появилось растерянное выражение, которое мгновенно сменилось хитрой улыбочкой. — А может, хотите чего-нибудь действительно крепкого? Есть эльфийский ликер, ром с Туманных островов.

– Спасибо, кофе будет достаточно.

Сказал как отрезал.

– Ну кофе так кофе, – смирился отец. – Пойду распоряжусь, чтобы приготовили лучший. Лично прослежу. А вы тут пока наедине пообщайтесь. – Он снова как-то неуместно подмигнул. – Вы поняли меня. Пообщайтесь.

И папа ушел, оставив меня одну в клетке со зверем.

Именно дикого разъяренного зверя господин Лунгрэ напоминал в тот миг более всего. Его глаза полыхали стальной яростью, а из-под губ снова показались клыки, так испугавшие меня при первой встрече.

– Адептка Лир, – произнес он тихим жутким тоном. – Вы то зачем притворяетесь, будто были не в курсе?

Не в курсе чего? Я принялась лихорадочно соображать, в чем таком подозревает меня некромант. Решив играть ва-банк, ляпнула со всей возможной уверенностью самое логичное, что пришло в голову. И самое правдивое, между прочим, тоже:

– Потому что я действительно была не в курсе.

Вот так. По крайней мере, честно. Я ничего не знаю о ваших с папенькой делах. Надеюсь, мой кристальной правдивости взгляд без тени сомнения убедит господина Лунгрэ в моей искренности.

– Он вам не сказал?

– Нет, – отчаянно мотнула головой я, радуясь, что смогла успешно ответить еще на один провокационный вопрос.

– Хотите сказать, увидеть меня сегодня здесь вы не ожидали?

– Нет, – как попугай, повторила я опять и, решив взять инициативу в свои руки, поинтересовалась: – Вас-то, как я поняла, предупредили о том, что я – это я?

– Я знал только ваше имя, – нахмурился Лунгрэ. – А вы, как я полагаю, все же врете. Вчера у целительницы вы вели себя странно.

– Людям с пробитой головой дозвоительно вести себя странно. – Я решила не сдавать позиций и красноречиво потерла затылок. Корка на ране, укрытой каскадом волос, царапнула пальцы. – Болит до сих пор, между прочим.

– Людям с пробитой головой положено лежать в могиле, в случаях, идентичных вашему, – не согласился некромант.

Я поежилась. До чего же он все-таки жуткий. Я понимаю, что это, должно быть, издержки профессии. Кто о чем, а некромант о трупах, но не на свидании с девушкой же? А еще, получается, что он меня лично не знает, а неприязнь ко мне испытывает. Как так? Хотя, возможно, он ее испытывает ко всем окружающим живым существам. И все же странно, если он проректор академии, почему не знает по именам и фамилиям своих учеников? Он же бывший первый королевский некромант... Бывший. Значит, недавно ушел с поста и занялся преподавательской деятельностью. Или его за что-то отстранили от дел? Вот только бы мне эту версию ненароком вслух при господине Лунгрэ не озвучить...

Ладно, примерную картинку происходящего я в голове худо-бедно слепила, остался главный вопрос – кому и зачем нужен этот навязанный брак? Ясно, что папочка от него в восторге, но что за неведомая сила удерживает сейчас за столом нашего господина злобного некроманта? Что за нужда у него так мучиться? А, судя по недовольной мине, мучается он тут со мной нестерпимо.

Даже обидно за Эмму Лир. Она, как говорят, с характером, конечно, но ведь вполне симпатичная и из приличной семьи. А этот Лунгрэ от нее (и от меня) нос воротит, как от болотной жабы. Привередливый какой! Мне он, между прочим, тоже совсем несимпатичен. Весь эльфо-вампирский романтический флер быстро слетел, стоило нам перекинуться парой слов. Сейчас мой набор чувств к этому заносчивому типу включал лишь недоверие, страх и обиду.

И толику любопытства.

Лара принесла кофе. Две чашки, одна из которых предназначалась мне. Перед тем, как служанка ушла, я заметила мелькнувшую за дверью хитрющую физиономию папочки. Он к нам за стол возвращаться не спешил и, судя по коварному выражению лица, что-то задумал. Ну и пусть. У меня уже нет сил разгадывать очередную загадку. Мне надо выпить кофе, тем более что он такой восхитительный!

Буро-кремовый напиток в жемчужном фарфоре умопомрачительно пах корицей, ванилью и еще чем-то нежно-волнующим. Я даже глаза от наслаждения зажмурила – м-м-м,

вкуснотища, наверное... Лунгрэ, в отличие от меня, так не восхищался. Он подцепил чашку двумя пальцами, поднес к самому лицу и изучил с предельным вниманием. Заметив, как я припала к своему кофе, попытался предупредить:

– Погодите, адептка Лир, я бы на вашем месте не торопился это пи...

Но было уже поздно. Я отхлебнула внушительный глоток и мурлыкнула от удовольствия. За пару следующих жадных глотков допила всю чашку. По телу разлилось мягкое волнующее тепло. Сердце забилося чаще, дыхание стало глубоким и томным. Я взглянула на Лунгрэ – а не такой он все-таки и противный. Да! Он однозначно не противный, а очень даже привлекательный. Очень даже...

Так. Стоп! Что это за дурашливо-игривое настроение? Я будто пьяненькая. Вот уже жуткий мужик, второй день подряд пугающий меня до дрожи в коленках, кажется мне симпатягой...

Додумать мысль я не успела. Приятное тепло, разлившееся в груди, собралось вдруг тугим комком и поднялось в глотку. Я перепуганно вытаращила глаза, зажала рот руками, понимая, что сейчас произойдет. Было уже такое, совсем недавно, после деликатесных жаброидов вкупе с передозировкой полезных знаний о мире...

Последнее, что запомнилось отчетливо, как я хватаюсь то за горло, то за сердце... Дальше пала темная пелена. Я потеряла сознание.

В чувства меня привело дуновение свежего ветерка. Открыла глаза – лежу на резной деревянной скамеечке в саду. Из зала-веранды прозрачная дверь распахнута настежь. Она чуть покачивается на ветру. Рядом со мной сидит господин первый бывший... Бывший первый... Склонился надо мной. Уже не бесится, не злится, наоборот, смотрит с интересом, с жалостью...

Господин Лунгрэ может испытывать к кому-то жалость?

– Что произошло? – пробормотала я растерянно.

– Ваш отец перегнул палку, – прозвучал ничего не объясняющий ответ.

– Простите, какую палку? – Я медленно села, поводила из стороны в сторону гудящей как пчелиный улей головой. – Ничего не понимаю.

– Господин Лир зачем-то подлил нам с вами в кофе любовное зелье, – спокойно произнес некромант. – Думал, не замечу. Я пытался вас предупредить. Не успел. К счастью, необходимая доза зелья была многократно превышена, поэтому ваш травмированный организм его моментально отторг. Если вам эту дрянь тоже в кофе подлили, значит, вы, как и я, не заинтересованы в этом браке?

– Так и есть, – честно ответила я.

Лунгрэ посмотрел на меня пристально, и в этом прямом, пронизывающем до самых внутренностей взгляде я заметила плохо скрытое...

...уважение?

– Что планируете делать дальше? – поинтересовалась я. –
Предъявите отцу за отравленный кофе?

Сказать честно, мне очень этого хотелось! Я была невероятно рассержена на папеньку из-за его интриг. Мой бедный желудок до сих пор бурлил и побаливал. Голова кружилась... Кстати, как я оказалась в саду? Меня господин Лунгрэ на руках сюда принес? Мысленному взгляду тут же предстала завораживающая картина – некромант, прижимающий меня к своей широкой груди. Его черные волосы щекочут мою щеку, когда он склоняется ко мне, чтобы проверить дыхание и убедиться в том, что я жива...

Ой! Почему жар так сильно приливает к щекам, а в груди снова разгорается горнило эмоций...

Видимо, часть выпитого мною зелья все еще внутри...

– Нет, – после коротких раздумий ответил Лунгрэ. – Я поступлю несколько иначе.

В течение пяти минут мы вернулись за стол и выплеснули кофе из обеих наших чашек в горшок с фикусом.

После того, как подали кофе, господин Лир скрылся за дверью и не появлялся. Видимо, ждал какого-то результата. Уж не знаю, что мы там с Лунгрэ по его задумке должны были делать и с какой громкостью, но, не дождавшись желаемого, папочка осторожно поскребся в дверь. Потом постучал. Потом заглянул. Мелкими шажками досеменил до стола и сел на свое место, выжидающе глядя то на меня, то на моего жениха.

Мы с некромантом, проявляя негласную солидарность, молчали. Не знаю точно, как мрачный гость собрался мстить папуле за «любовный подлив», но наблюдать за происходящим было крайне интересно.

– Господин Лир, что же вы нас покинули столь надолго? – невозмутимо начал Лунгрэ. – Мы с Эммой вас совсем заждались и кофе допили. Вы не соврали, он у вас действительно превосходный.

– Все для вас, господин Лунгрэ. Все лучшее для дражайшего гостя.

– Вы знаете, – некромант натянул на губы подобие улыбки, – был у меня на работе один случай, как раз таки с кофе связанный.

– Как интересно! Расскажите? – Отец, весь внимание, уложил подбородок на сцепленные пальцы.

– Так вот, – продолжил Лунгрэ набирающим жуткие нотки тоном, – встретился мне однажды один занимательный труп, испивший смертельного кофе...

– Кофе может быть смертельным? – насторожился папочка.

– Может, если плеснуть туда яду. Или зелья какого-нибудь опасного подлить с перебором. Помнится, у того трупа именно подобная история и произошла: кто-то ему по ошибке, а может, и из других каких побуждений, зелья любовного в трехкратном размере в кофе подлил...

Отец побледнел. Уточнил дрогнувшим голосом:

– Так ведь любовное... Оно же безобидное вроде?

– Ну что вы, господин Лир, – закатил глаза некромант, – там такие опасные компоненты! Смертельные розы, вампирья кровь, пепел сожженного гроба развратника.

– А я думал, там водка с можжевельником... – проблеял отец, достигая максимального уровня белизны.

– Вы ошибаетесь, господин Лир, – пугающе помотал головой некромант. – Водку с можжевельником уже даже сельские колдуны-алкоголики не мешают. Да и нельзя. Противозаконно. Теперь любовные зелья только «Демон и братья» разливают у себя на заводе, строго по ГОСТу. И дозировка только по инструкции, иначе – побочные эффекты. От сильной передозировки исход один.

– Какой же? – Папа из белого стал льдисто-лиловым.

– Смерть, – загробным голосом ответил Лунгрэ.

– Смерть? И как же быстро она...

– Сутки. Максимум сутки проживет тот несчастный, что неосмотрительно решил, будто с любовным зельем можно баловаться, как ему вздумается.

– О, богини... – Отец схватился за сердце и начал медленно стекать под стол.

А Лунгрэ, похоже, вошел во вкус и теперь издевался над незадачливым Лиром по полной программе.

– Муки у несчастного будут страшные. Сперва кровь по венам потечет вспять, потом глаза в орбитах завращаются, а сначала – да! Это будет самым первым признаком! – жертва

начнет чесаться.

И дернул меня черт в тот момент почесать нос...

Папа из льдисто-лилового стал зеленым, будто его самого чем-то отравили. Просипел едва слышно:

– Какой ужас.

– Да, ужасные муки, – коварно согласился некромант, – но вы не переживайте, в случае передозировки любовным зельем отравителя всегда легко вычислить. Ему невозможно скрыться – в напитке остается четкий магический след. От правосудия он не уйдет.

Мне стало страшно за папеньку. Лунгрэ так его до инфаркта доведет. Ох, уж этот суровый некромантский юмор. Я посмотрела на жениха умоляюще. Может, хватит? Жестокосердный Лунгрэ заметил мой взгляд, но не повел и бровью, а старший Лир тем временем на дрожащих ногах поднялся из-за стола и, пробормотав неразборчивое: «Извините, мне нужно отойти», спешно покинул приемный зал.

Я обеспокоенно предположила:

– Мне кажется, теперь палку перегнули вы.

– Думаете? – заломил бровь жених. – А я считаю, что ничуть. Поделом. Опаивать людей любовным зельем без их ведома – подлость. И эта подлость заслуживает наказания. Представьте, мы бы с вами тут вдвоем прямо на столе оказались? Или под каким-нибудь кустом в саду?

Я представила. В красках, испытав странный коктейль из возмущения, стыда, негодования и...

...интереса.

И все же спорить было сложно, а тут еще и папенька вернулся. Принес какую-то склянку, трясущейся рукой подал гостю.

– Простите меня, старого дурака, господин Лунгрэ. Я так боялся, что вы с моей дочуркой сами не столкнетесь, вот и решил добавить вам взаимной симпатии с помощью приворотного зелья. Чуть-чутьочку. И перестарался. Переусердствовал... Я ж не знал! Не знал, что опасно будет... – Он умоляюще заглянул некроманту в глаза. – Скажите, что делать-то теперь? Как исцелять вас от напасти смертельной?

– Как исцелять? – Мой жених задумчиво забрал из ладони Лира злосчастный пузырек. – Никак.

– То есть... Все теперь?

– Не все. Ваше зелье – дешевая подделка. Та самая, которая водка с можжевельником. Оно не опасное.

Нужно было видеть в тот момент выражение папенькиного лица. Как оно изменилось – уголки рта, свисающие до этого вниз, как переваренные макароны, радостно поднялись и потянулись вверх, вследствие чего физиономия родителя стала походить на портрет Джокера. Конечно, такая удача – дочурка и ее жуткий женишок не помрут от передоза любовной биодобавки. И, возможно, даже не зачесутся...

– Слава небесам!

Было заметно, что отец едва удержался от спонтанного желания броситься некроманту на шею и облобызать того от

радости. Лишь грозный взгляд Лунгрэ его остановил.

— Будьте добры, господин Лир, впредь не выкидывать подобных гнусных фокусов. По крайней мере, в моем присутствии. — Он поднялся, поклонился сначала мне, потом отцу. — Я вынужден сегодня с вами распрощаться. Будьте здоровы, Эмма, и не пейте много кофе.

— О, простите, не сердитесь... — расстроено протянул папенька.

— Я не сержусь. Просто предупреждаю.

— Мне жаль, очень жаль.

Провинившийся хозяин попытался схватить гостя за руку, чтобы снова подобострастно потрясти ее, но некромант быстро убрал ладонь. Произнес холодно:

— Не думаю, что вам жаль. Вам ведь это на руку. Вся эта отвратительная ситуация, что сложилась между вашей семьей и моей. И вы прекрасно знаете, как негативно я ко всему этому отношусь... Ко всей этой истории с женитьбой. Поэтому прошу больше не устраивать цирк с любовными зельями и прочей ерундой. Это не поможет.

От слов Лунгрэ повеяло таким холодом и злостью, что я даже поежилась. Что же там за ситуация у него? Он про семью говорил? Возможно ли, что он идет на этот шаг ради семьи? Почему? Снова море вопросов и ни намек на ответ...

— До свидания.

Некромант пересек зал и скрылся за дверью. Когда он исчез из виду, отец сердито посмотрел на меня и выругался се-

бе под нос. В конце едва слышной гневной тирады добавил чуть громче:

– Не повезло сегодня. Не сорвался бы, – потом на меня напустился. – А ты чего сидела, как статуя ледяная? Будь ты поприветливее, мне не пришлось бы подливать вам зелье!

Я ничего не сказала. Начнешь спорить, так слово за слово и пойдет, а я с господином Лиром сейчас беседовать по душам особым желанием не горю. Хочу в свою комнату и полежать. Нужно привести мысли в порядок, обдумать пару важных вещей и прикинуть, как жить дальше.

Я не могла себе позволить отдыхать долго.

Полежав полчасика на кровати, встала и поднялась в библиотеку. Нужно что-то срочно решать с учебой. Эмма Лир вроде бы была неплохой адепткой, поэтому снижать успеваемость нельзя ни в коем случае. Академия – это ведь не школа? Это нечто, эквивалентное нашему земному университету? Высшее образование или как-то так...

В моем родном мире перед тем, как поступить в вуз, надо, по крайней мере, школу закончить. Не думаю, что в местную академию берут неучей с улицы. Значит, чтобы учиться, надо обладать хотя бы минимумом какой-то базовой информации. А программы у нас стопроцентно разные. Все мои земные знания по истории, литературе, географии тут вряд ли пригодятся. И что это еще за волшебная лингвистика? Полцарства бы сейчас отдала за учебный план своей специальности.

Решив срочно наверстать упущенное хотя бы в плане общей магической теории, я перевернула несколько ближайших книжных полок. Отыскав пару-тройку книжек по изучению магии «для чайников», погрузилась в чтение с головой. Начала со «Всемирной истории магии». Огромная и толстенная оказалась книжечка! Интересная... Жаль, что со скороучебным зельем придется повременить. С ним бы все прошло легче и быстрее, но организм явно не выдержит.

Не хочется умирать второй раз подряд.

Даже болеть не хочется. В теле молодой Эммы я почувствовала себя полной жизни сил. Даже разбитая голова – не помеха. Зато не болят ноги, и глаза видят просто прекрасно. Драгоценное здоровье, которого мне так не хватало с возрастом.

Я подошла к окну и задумчиво посмотрела на облака, быстро плывущие над пестрым нарядным городом. В памяти возник точеный профиль бывшего королевского некроманта.

Интересно, что движет Лунгрэ? Он ведь не хочет этой помолвки. Совершенно. Почему не может отказаться? В чем причина?

Только вопросы кругом пока и никаких ответов.

ГЛАВА 4. Волшебный сад

После учебы я выбралась в сад. Нужно было найти секретный домик, о котором Эмма, по словам Лиз, рассказывала Мари-Клэр.

Сад встретил меня ароматом цветов, пышностью зелени и свежестью прохладной травы. Он был в меру ухожен и в меру заброшен. Пустынен и чист. Его оплетали каменистые дорожки с вкраплениями изумрудного мха меж стертых булыжников. Декоративные ступени обозначали перепады искусственных уровней. У дальней стены над клубами яблонь возвышалась ротонда со шпилем на крыше. От нее вниз к небольшому пруду катился по цветным камням бурливый поток. Он пенился на склоне, стекая в водоем у подножья, успокаивался и расцветал стайкой розовых лотосов.

Одна из дорожек вела под сень серебристых ив, перемеженных с пирамидальными туями. Из-под тугих ивовых кос на меня посмотрел беломраморный фавн, сжимающий в руке свирель. Стоило приблизиться, фавн быстро повернул голову и – я точно заметила это! – подмигнул кому-то, подавая особый знак.

– Эй, я все видела, – обратилась к статуе со всей возможной строгостью. – Видела, как вы подали знак кому-то за вашей спиной.

Фавн перепугался не на шутку. Он вздрогнул всем своим

мраморным телом и вмиг оцепенел – застыл, став неотличимым от обычной, неживой и неволшебной скульптуры.

– Тс-с-с, тише, прошу, – позвал меня кто-то из-за фавновой спины. Я вгляделась в ивовую листву и встретила взглядом с дриадой, восседающей на постаменте из раковин и фигурных завитков. – Не говорите громко. Шум привлекает садовых гномов, а им вашу тайну знать ни к чему. Эти непоседы слишком болтливые. Совершенно не умеют держать язык за зубами...

– Мою тайну? – Я изумленно вскинула брови, силясь понять, о какой именно из моих многочисленных тайн идет речь. – Только не говорите, что вы в курсе...

– Тс-с-с... – Дриада прижала палец к губам. – Ни о чем меня не спрашивайте, просто идите по этой дорожке до розария. Там, возле каменной рыбы сверните на земляную тропу, по ней двигайтесь до большой липы, обойдите ее вокруг три раза и обнаружите тайный проход. За ним вас будут ждать те, с кем можно поговорить по душам спокойно.

– Хорошо, – кивнула я. – Только как я могу быть уверена, что вы меня в ловушку не заманиваете?

– Мы, волшебные статуи, врать не умеем. Если хотим скрыть правду – просто молчим. А еще мы знаем, что вы не наша хозяйка. Вы новая девушка в ее теле, а это значит, что нашу бедную госпожу убили. Она ведь оставила вам записку?

– Да.

Я слушала дриаду с удивлением. Внимательно вглядывалась в ее безупречное лицо, пытаясь уличить во лжи, но как ее уличишь – она же статуя. И раз знает про записку Эммы, то, скорее всего, не является врагом.

– Идите. Вас ждут.

И я пошла, куда велели.

Заблудилась в шикарном розарии, где цвели розы всех оттенков радуги, размером от крошечных чайных до огромных древовидных, кое-как нашла рыбу и выбралась на нужную тропинку. По ней через душистые заросли разносортной мяты я дошла до указанного дерева. Огромное, узловатое, оно протягивало в стороны корявые ветви-руки, роняя на плотно укрытую очитком кочку резные тени.

Три раза обойти? Что ж...

Описав три круга вокруг могучего ствола, я с изумлением обнаружила в нем невидимое доселе дупло-проход. Это была настоящая арка, через которую я смогла пройти, не склонив головы. Чудеса, да и только! Хотя пора бы уже ко всей этой магии привыкнуть.

На другой стороне странного хода обнаружилась круглая полянка, окруженная плотными зарослями жасмина. В центре ее, на зеленой травке стояли еще две статуи из белоснежного с розовыми прожилками мрамора. Чуть правее лежал египетский сфинкс в высокой шапке, левее стояла античная богиня в длинной тоге. Обе скульптуры смотрели на меня с доброжелательным интересом.

– Вот ты и пришла, – произнесла богиня.

– Значит, все произошло именно так, как сказала наша дорогая Эмма, – печально прошептал сфинкс. Из его беззрачных глаз выкатились две большие слезы и, сверкнув на белых щеках, упали в траву. – Она все-таки мертва.

– Да, – согласилась богиня. – Но мы не можем позволить себе скорбеть о нашей хозяйке. Мы должны позаботиться о новой душе, что живет теперь в теле Эммы.

– Э... э-э, здравствуйте вообще-то, – нарушила их диалог я. – Вы, кажется, хотели видеть меня?

– Да. – Каменная богиня кивнула. – Нам приказано тебе помогать.

– Прежняя Эмма распорядилась, полагаю? И как вы собираетесь это делать?

– Ну, мы можем что-нибудь полезное тебе рассказать или помочь спрятаться, – произнес сфинкс. Всклипнув, он вытер кончиком хвоста вновь набежавшие слезы, добавил грустно. – Жаль, что мы не смогли уберечь ее от беды... Нашу хозяйку...

– Мы вообще-то мало чего могли сделать. Мы же статуи – даже с места сходить не умеем, – скептически прервала его богиня. – Поэтому давай будем делать то, что нам сказали. Это самое полезное, что мы можем сделать в память о нашей хозяйке. Душа в теле Эммы, – обратилась она уже ко мне, – взгляни за наши спины, там находится потайное убежище нашей бедной госпожи. Теперь оно твое. Можешь

пользоваться. И помни – оно совершенно секретное. Туда никто без твоего приглашения не проникнет.

Я пригляделась.

Над дальним жасминовым кустом вздымалась поросшая травой и мхом крыша какой-то постройки. Пройдя между статуями, я пересекла полянку и раздвинула тугие ветки. За ними обнаружилась бревенчатая стена с тяжелой дверью, поднятой довольно высоко в воздух. Порог на уровне моего носа. Что за странная архитектура?

А под порогом что же? Ноги...

Настоящие куриные ноги – ну, ничего себе! Я попятилась от неожиданности. Вроде как пора бы к местному волшебству попривыкнуть, но я вот все удивляюсь...

– Чтобы войти, надо сказать: «Избушка-избушка,пусти меня внутрь», – заботливо подсказала богиня в тоге.

– Она только на голос Эммы открывает... На твой голос, – добавил сфинкс и разрыдался.

Богиня принялась его утешать, стала просить не шуметь. Пока они там разбирались, я тихо повторила заветные слова. Они, как ни странно, подействовали, заставив куриные ноги подогнуться, пол опуститься к земле, а дверь открыться.

– Это избаушка на курьих ножках? Жилище Бабы Яги? – уточнила я.

– От Бабы Яги, – поправили статуи. – Она эти избаушки уже лет сто как на конвейер поставила.

Вот оно, значит, как...

Прогресс – везде прогресс.

И рыночная экономика.

Я осторожно заглянула внутрь. Там обнаружилось на удивление светлое и уютное помещение. Я-то ждала увидеть мрачное нутро закопченной ведьминой избы, никак не этот «евроремонт»... А вообще, хорошо. Просто отличный садовый домик. Я б в таком пожила на даче. Интересно, на этой штуке кататься можно? Если да, то она покруче любого трейлера будет. И обстановка миленькая: три кресла, диван, журнальный стол – как раз для секретных посиделок.

Деревянный пол под ногами чуть поскрипывал и едва ощутимо прогибался. Из приоткрытого окошка, что было на противоположной от входа стене, волнами набегал ветерок, отчего казалось, что домик дышит.

Я прошла к столу, села в кресло с розовыми кружевными салфетками на подлокотниках. Явно хозяйское, оно располагалось во главе стола. Удобно, только что-то в бок колет... Сунув руку под подушки, обнаружила спрятанную там тетрадь в твердом кожаном переплете. Раскрыла, быстро пролистала – замелькали написанные от руки строки и даты по краям. Это же дневник!

Дневник Эммы Лир.

Вот это удача! Я открыла первый попавшийся разворот. Прочла бегло обрывок фразы – почерк у Эммы был, надо сказать, не слишком разборчивый. «Наконец-то мне удалось обхитрить папочку и выбраться из дома незамеченной. Если

сумею смешать и подлить ему зелье забвения, получится отлучиться на несколько дней, как я и мечтала, а папа ничего не заподозрит...» Куда это она собралась? Я хотела открыть следующую страницу, чтобы это выяснить, но пальцы вдруг обожгло резкой болью.

– Ай! – вскрикнула, роняя дневник на пол.

От удара он рассыпался ворохом листьев, задымился вдруг, а потом вспыхнул зеленым пламенем. Сгорел мгновенно, обратившись горсткой искристого пепла. Спустя миг из этой блестящей кучки выползла какая-то маленькая черненькая кракозябра, похожая на смесь сороконожки и пиявки. Противно попискивая, неведомая пакость направилась в сторону выхода, но улизнуть ей не удалось – вскочив с кресла, я догнала ее и раздавила.

Вскочив обратно на полянку к говорящим статуям, потребовала разъяснений:

– Что это еще такое было? Я нашла в избушке дневник Эммы, хотела прочесть, но он сгорел практически у меня в руках. А потом из него какая-то черная штука выбралась и...

Сфинкс и богиня переглянулись.

– Это было проклятье!

– Вы же сказали, что тут безопасно?

– Вероятно, проклятье было секретное, тайное. Кто-то закрепил его на дневнике Эммы, когда она выносила его из убежища наружу. Проклятье таилось между страниц, на тот случай, если дневник кто-то откроет.

Я задумалась. В мыслях родилась догадка, что подсунувший черную дрянь злоумышленник прекрасно знал и о самой смерти Эммы Лир и о ее причинах. Еще более возможно, он этой причиной и являлся... И что там такого в дневнике было написано? Жаль, я этого уже никогда не узнаю.

– Понятно, – вздохнула я.

Тут богиня нервно заозиралась по сторонам и прижала к губам тонкий бледный палец:

– Тс-с-с-с, они рядом.

– Кто? – шепотом спросила я, прячась за постамент сфинкса.

– Садовые гномы. Вечно приходят в самый неподходящий момент...

За кустами жасмина раздались громкое пыхтение, бормотание и возня.

– Отря-я-яд, стой! Раз-два, – скомандовал кто-то. – Лопаты доста-а-авай, землю копай! Три-четыре. Сорняки убирай, цветы поливай! Раз-два.

По крайней мере, это не убийца.

Я выбралась из укрытия и с любопытством вгляделась в переплетение жасминовых ветвей, за которыми возились какие-то невысокие бурые фигурки. И правда гномы! Настоящие гномы в колпачках и с бородами, коренастенькие, толстенькие, ростом примерно мне по колено. В руках у них были лопаты, лейки, секаторы и грабли.

Крошечные человечки, пыхтя, трудились, выполняя рабо-

ту по саду – одни стригли куст, другие пересаживали пионы и розы, третьи таскали воду для полива, а четвертые сгребали в кучу остриженные веточки. Гномики выглядели вполне симпатично, но я решила не спорить со статуями – опасно, значит, опасно. Вела себя тише мыши.

– Скоро они уйдут? – спросила, вернувшись к сфинксу и богине.

– Минут через десять.

Пришлось немного подождать. У гномов работа спорилась – они быстренько перевернули соседнюю часть сада и, собрав инструменты, помаршировали дальше. Я посмотрела им вслед – такие деловитые, смешные! Вернулась к разговору со статуями:

– Они ушли, а я теперь не уйду, пока вы мне все-все про Эмму не расскажете. Почему она пряталась. От кого? Она вам сказала?

– Не сказала, – с тоской ответила богиня, а эмоциональный сфинкс снова всхлипнул.

– Почему? – продолжила я расспросы.

– Не могла сказать. Некоторое время назад Эмма стала свидетельницей какого-то ужасного события, но ее зачаровали. Кто-то использовал заклинание неразглашения. Оно заперщенное и невероятно мощное. Из-за него Эмма не могла ни поведать кому-либо о случившемся, ни назвать имя виновника произошедшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.